

Г. И. ЛАВРЕНТЬЕВ (Глазов)

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ГЛАГОЛЬНОЙ ФОРМЫ 3-ГО ЛИЦА НАСТОЯЩЕ-БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

История возникновения личного окончания 3-го лица единственного и множественного числа в марийском языке представляет собой загадочное явление, и по данному вопросу высказано довольно много разноречивых точек зрения. Так, И. Буденц окончание *-eš*, например в слове *tole-š* '(пр)идет', считал остатком местоимения (*e*)*ške* 'сам'.¹ Б. Коллиндер рассматривает *-eš* как замещение финно-угорского показателя прошедшего времени *-s*.² В. И. Лыткин возводит *-š* в составе личного окончания *-eš* к указательному местоимению, начинающемуся с *s*.³ Можно привести и некоторые иные точки зрения. Однако, на наш взгляд, более правдоподобно мнение Э. Беке⁴ и Ю. Вихманна⁵, с которым в последнее время соглашается И. С. Галкин.⁶ Окончание *-eš* глаголов I спряжения (*lude-š* 'читает, прочтет') с точки зрения истории они отождествляют с суффиксом причастия *-še*, *-šo*, *-šö* (например, *lu-tšo* 'читающий', *to-lšo* 'приходящий'), имеющим генетическую связь с *š*-овым суффиксом отглагольного имени (например, *i-läš* 'жизнь' от *ila-š* 'жить').

Действительно, при исследовании генезиса формы 3-го лица в марийском языке, как и во многих других языках, нужно исходить из следующих положений: 1) формы 3-го лица, как показывает опыт исследования многих языков, могут складываться на базе сказуемого употребления неличных (именных) форм глагола; 2) основа глагола без какого бы то ни было особого личного окончания в ряде случаев со временем может восприниматься как форма 3-го лица.

Есть основание полагать, что причастие настоящего времени на *-s*, в прошлом характеризовавшееся широтой своей функции и сферы

¹ J. Budenz, Cseremisiz tanulmányok. — NyK IV 1864, стр. 66.

² B. Collinder, Comparative Grammar of the Uralic Languages, Stockholm 1960, стр. 307.

³ В. И. Лыткин, К вопросу о конечной гласной основы глаголов настоящего времени в финно-угорских языках. — Вопросы языка, литературы и фольклора, Йошкар-Ола 1961, стр. 50.

⁴ Ö. Beke, Cseremisiz nyelvtan, Budapest 1911, стр. 303; его же, Zur geschichte der tscheremissischen konjugation. — FUF XXII 1934, стр. 125, 130.

⁵ Y. Wichmann, Beiträge zur tscheremissischen Nominalbildungslehre. — JSFOu XXX 1913—1918, стр. 31.

⁶ И. С. Галкин, Историческая грамматика марийского языка. Морфология I, Йошкар-Ола 1964, стр. 122.

употребления и занимавшее как бы промежуточное положение между единицами словообразования и формообразования, первоначально не полностью осознавалось как особая личная форма настоящего времени глагола, а было лишь причастием, употребляемым в сказуемой функции. Однако постепенно эти глагольные имена в связи с отпадением их конечных безударных гласных, вызванным, кроме фонетических причин (безударности), аналогическим воздействием оканчивавшихся на согласный других форм единственного числа, все больше стали отходить от категории причастий, при этом усилились их глагольные свойства, они перестали указывать на признак и стали пониматься как одна из форм настоящего времени. На генетическую однородность рассматриваемых форм глагола в определенной степени указывает и тот факт, что глагольные формы 3-го лица единственного числа в ряде случаев в современном марийском языке могут выступать в причастном значении, например: *pört küle-šāže u-ke* 'нет нужды в избе', *küle-š se-mān kočka-m* 'по необходимости ем', *küle-š na-re nal* 'бери в необходимом количестве'.

Относительно ударения в формах 3-го лица типа *tole-š* '(пр)идет' можно отметить, что современное ударение, падающее на конечный слог, представляет собой результат позднейшего развития; в глубокой древности ударным был, безусловно, начальный слог слова.

Однако следует сказать, что задолго до установления формы 3-го лица единственного числа глаголов I спряжения (например, *tole-š* '(пр)идет', *ule-š* '(он) есть') в древнемарийском языке в этой функции, по всей вероятности, выступала чистая основа глагола⁷ (например, **to-le*, ср. фин. *tule-*; **u-le*, ср. фин. *ole-*), которая со временем вышла из употребления, оставив лишь незначительные следы. Иначе как же объяснить происхождение формы множественного числа *to-lāt* '(пр)идут', *u-lāt* '(они) есть' и т. д.? Форма *to-lāt* при всех условиях не могла развиться из весьма натянуто предполагаемой праформы **tole-št*, в которой **tole-š* была бы принята, как уже отмечено, за более позднюю форму 3-го лица единственного числа, а **t* — за показатель множественного числа. Как же иным способом объяснить необычайно широкое и «аномальное» употребление в современном марийском языке глагольной формы *u-lo*, сохранившей, несомненно, более древнее состояние? Ведь известно, что, кроме характерного для глагола значения личной формы (например, *kāša-že u-lo γān*, *pirāža-t u-lo* 'козь есть следы, так есть и волк'), это слово часто может употребляться в значении имени действия или причастия (например, *ule-m godām* 'пока я здесь', *u-lo γodām* 'пока есть', *u-lo jū-kān* 'во весь голос (букв.: с имеющимся голосом)', *u-lo bij de-ne* 'изо всей силы').

Основываясь на рассмотренных доводах, вслед за Э. Итконеном⁸ полагаем, что формы 3-го лица множественного числа настоящего времени от глаголов I спряжения образовались путем присоединения именного показателя множественного числа *t* к основе глагола, служившей до укрепления новой формы на *-š* для выражения соот-

⁷ В мордовском языке в 3-м лице фигурировала также глагольная основа без дополнительного оформления, см. Д. В. Бубрих, Историческая грамматика эрзянского языка, Саранск 1953, стр. 124; Б. А. Серебренников, Историческая морфология мордовских языков, Москва 1967, стр. 139.

⁸ E. Itkonen, Beobachtungen über die Entwicklung des tscheremissischen Konjugationssystems. — MSFOu 125 1962, стр. 101. В отличие от нас, Э. Итконен исходит из древнемарийского редуцированного гласного *ä* в конце глагола.

ветствующего лица единственного числа и имевшей, по-видимому, что-то общее с именами.

Формы множественного числа типа *to-lät* сохраняют более древнее ударение, и именно этим объясняется процесс перехода безударного *e* глагольной основы в редуцированный гласный *ä*.

По вопросу о происхождении формы 3-го лица настоящего-будущего времени глаголов II спряжения на *-a*, *-at* (*konda* 'при)несет', *konda-t* 'при)несут') точки зрения исследователей также расходятся. П. Равила возводит форму 3-го лица единственного числа к раннему дифтонгу *-ai*⁹, И. С. Галкин¹⁰ — к древнемарийским стоящим после подлежащего причастным формам настоящего времени **kandava* 'при)носящий', **kandavat* 'при)носящие', в которых **kanda* принимается за глагольную основу, **-va* (**-vā*) — за причастный суффикс, со временем в марийском языке утратившийся бесследно как в 3-м лице, так и в сфере причастия, и **-t* — за древний показатель множественного числа именных образований. Обращено внимание на наличие и развитие почти аналогичных форм в финском языке: *menee* < **menevi* 'идет', *menevät* 'идут', *menivät* '(они) шли'; в саамском: *männäba* 'они оба идут'. Отмечены также засвидетельствованные в марийских диалектах отрицательные формы типа *o-k kürep* 'не (со)рвут', *o-k šaner* 'не (по)верят'. В самом деле, трудно удержаться от соблазна связать с точки зрения происхождения рассматриваемые формы марийского, финского и саамского языков.

Однако при более глубоком и всестороннем исследовании истории возникновения этих форм всплывают уязвимые места изложенной гипотезы. Дело в том, что, во-первых, вообще фонетически не объясним представленный путь развития **kandava*, **kandavat* > *konda*, *konda-t*.¹¹ С некоторой натянутостью можно было бы объяснить упрощение этих реконструированных форм выпадением интервокального щелевого *v* и стяжением следующих друг за другом *a*. Однако *v* в положении между гласными, как показывают фонетические исследования последних лет, в историческом развитии марийского языка никогда не имел тенденции к исчезновению. К тому же в почти аналогичных формах типа *konde-be* '(они) (при)несли' он сохраняется без изменения. Во-вторых, современный марийский язык и его диалекты в утвердительных формах настоящего-будущего времени вообще не сохранили следов былого существования *-va*. Эти аргументы опровергают положение, по которому форма 3-го лица настоящего-будущего времени глаголов II спряжения первоначально представляла собой вовлеченную в сферу спрягаемых глаголов форму причастия настоящего времени.

Соглашаясь с Э. Итконеном¹², мы считаем вполне возможным, что чистая основа глаголов II спряжения (например, *konda* 'несет', ср. фин. *kantaa*; *šula* 'тает', ср. фин. *sulaa*, морд. *solams*; *ila* 'живет', ср. фин. *elää*) в древнейшем состоянии марийского языка была осознана как форма 3-го лица единственного числа настоящего-будущего времени. О такой возможности дополнительно могут свидетельствовать данные ряда других языков, например, пермских.¹³ В древнерусском и старославян-

⁹ P. Ravila, Über die entstehung des tscheremissischen konjugations-systems. — FUF XXV 1938, стр. 24.

¹⁰ И. С. Галкин, указ. раб., стр. 123.

¹¹ И. С. Галкин, указ. раб., стр. 128.

¹² E. Itkonen, указ. раб., стр. 106.

¹³ Д. В. Бубрих, Историческая морфология финского языка, Москва—Ленинград 1955, стр. 179 (примечание В. И. Лыткина); Б. А. Серебrenников, Историческая морфология пермских языков, Москва 1963, стр. 243.

ском языке форма 3-го лица единственного числа аориста была тождественна глагольной основе.¹⁴ Формы же 3-го лица множественного числа были образованы от соответствующих форм 3-го лица единственного числа путем присоединения к ним древнейшего суффикса множественного числа *-t.

Участвовал ли в выражении форм настоящего-будущего времени древнего марийского языка формант *k*, некогда выступавший в древнейшем состоянии некоторых финно-угорских языков и проникший из древнего будущего времени в сферу не имевшего до этого никакого специального суффикса настоящего времени в результате смешения их форм?¹⁵

Отсутствие письменных памятников древнего марийского языка не позволяет дать точный ответ на этот вопрос. Основываясь на данных современного марийского языка, его диалектов, а также на последних выводах исторической грамматики родственных языков, можно лишь предполагать, что все утвердительные лично-числовые формы, за исключением формы 3-го лица единственного числа глаголов I спряжения, в древнем марийском языке не имели форматива *k*; они были образованы путем непосредственного присоединения личных глагольных показателей к различным основам глагола, являвшимся в то же время основами настоящего времени, или в качестве личных форм, как указывалось выше, были восприняты чистые основы глагола.

Относительно представлявшей исключение формы 3-го лица единственного числа глаголов I спряжения (*tole-š*), генетически связанной с причастием, нам думается, что в древнемарийском языке от глаголов I спряжения могли быть образованы причастия с формативом *k* и без него. Так, для выражения признака-действия, соотношенного с настоящим временем, как можно предполагать, употреблялись формы типа **to-lekse* 'идуший, приходящий'; для обозначения признака-действия, соотношенного с прошедшим временем, — формы типа **to-lese* 'шедший, приходивший', суффиксы *-se*, *-kse* которых находили соответствие в морд. *-ks*, фин. *-s* ~ *-kse*, саам. *-s*.¹⁶

Со временем стерлась дифференциация значений этих форм. В одних диалектах в результате тенденции к однообразию форм стали употребляться лишь причастные формы **to-lese* > *to-lšo*, объединившие значения настоящего и прошедшего времени. В других же, в частности в волжском говоре, обобщились формы с *k* и стали выражать также значение причастий двух времен. В примерах из волжского говора, помимо причастий, имеются и имена существительные, развившиеся, как и глаголы 3-го лица настоящего-будущего времени, из отглагольных имен: *jü-kšö* 'пьющий, пивший, пьяный, пьяница' от *jüa-š* 'пить', *šu-däkš* (д. Карай) 'проклятие' от *šuda-š* 'проклинать', *šu-lu-kš* (д. Карай) 'голенице' от *šula-š* 'резать', *mo-däkškäč lo-däkš* (д. Карай) 'от игры несчастье' от *moda-š* 'играть' и *loda-š* 'делать зарубку', *ko-räkš* 'паз' от *kora-š* 'чертить, делать канавку', *šü-läkš* (д. Карай) 'дух, дыхание' от *šüla-š* 'дышать', *šoβα-kš* 'кадушка для одежды' от *šuβα-š* 'пришивать, зашивать', *i-läkše* 'сырой, влажный, живой' от *ila-š* 'жить', *ko-läkšo* 'мертвый, умерший' от *kola-š* 'умирать', *šü-kšö* 'гнилой' от *šüa-š* 'гнить', (*käñe*) *lü-däkš* 'пугало' от *lüda-š* 'бояться', *ko-jäkš* 'поведение' от *koja-š*

¹⁴ В. И. Борковский, П. С. Кузнецов, Историческая грамматика русского языка, Москва 1965, стр. 269—270; А. И. Горшков, Старославянский язык, Москва 1963, стр. 159.

¹⁵ Б. А. Серебренников, Об относительной самостоятельности развития системы языка, Москва 1963, стр. 83.

¹⁶ Y. Wichmann, указ. раб., стр. 37—38.

'виднеться', *i-ləks* 'жизнь' от *ila-š* 'жить', *pi-dəks* (д. Карай) 'повязка, пучок' от *pi-da-š* 'завязать'. С течением времени и волжский говор стал «равняться» на большинство марийских диалектов, только этим, по-видимому, объясняется сохранение лишь незначительного количества представленных выше именных образований с формантом *k* и единственно возможное употребление в волжском говоре причастий на *-še* без *k*.

Таким образом, возвращаясь к вопросу о 3-м лице единственного числа, следует отметить, что в этой форме глаголов I спряжения в древнем марийском языке употреблялся суффикс *k*, так как для выражения указанной формы первоначально использовалось причастие, обозначающее признак, соотносительный с настоящим временем.

Резюмируя изложенное, попытаемся схематически представить развитие 3-го лица единственного и множественного числа.

Основы на *-e* (современное I спряжение)

Единственное число

Множественное число

**to-le-k-se* > *tol-e-š* '(пр)идет'

**to-le-t* > *to-l-ət* '(пр)идут'

Основы на *-a* (современное II спряжение)

**ka-nta* > *ka-nt-a* ~ *ka-nd-a*
~ *kond-a* '(при)несет'

**ka-nta-t* > *ka-nt-at*
~ *ka-nd-at* ~ *kond-a-t*
'(при)несут'

Как видно, в процессе исторического развития рассматриваемых форм морфологическое явление перераспределения значимых частей слова сочеталось с характерным для марийского языка фонетическим изменением *s* > *š* и закономерной утратой редуцировавшегося конечного безударного *e* и срединного *k* (ср. диал. *čiza-kš*, *parña-kš* и лит. *čiza-š* 'сок', *parña-š* 'наперсток'). В развитии анализируемых форм имели место также переход гласного *e* в сверхкраткое *ə* в результате редукции первого и озвончение *t* после сонорного *n* в некоторых диалектах.

G. I. LAVRENTJEV (Glazov)

ABOUT THE HISTORICAL DEVELOPMENT OF THE THIRD PERSON OF THE VERB IN THE PRESENT-FUTURE TENSE IN THE MARI LANGUAGE

The form of the 3rd person singular of the future-present tense of the verbs of the 1st conjugation (e. g. *tole-š* 'he comes') is by its origin a participle ending in *-š* which is used as a predicate. The form may be still used as a participle, cf. *küle-š* in *čodra-küle-š lije-š* 'timber will be of use'.

Before the establishment of the forms of the type *tole-š* 'he comes', *ule-š* 'he is' the pure verbal stems were used in their function as can be seen from such combinations as *kəša-že u-lo ɣən*, *pirəža-t u-lo* 'if there is a track, there is a wolf', *u-lo bij de-ne* 'with all one's strength'. The pure stem is used as the form of the 3rd person singular in the 2nd conjugation (e. g. *konda* 'he will bring').

The forms of the 3rd person plural were produced by means of the addition of the nominal pluralizer **-t* to the pure stem (*to-lət* 'they come', *konda-t* 'they bring').

The form of the 3rd person singular ending in *-š* was produced by means of the tense suffix **-k* (**tole-k-se* > *tol-e-š*).